

Научная статья

УДК 338.24

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1625

Sergey Aleksandrovich Shapiro

Candidate of Economics,
Acting Head of the Department of Labor Economics
and Demography,
Academy of Labor and Social Relations
Moscow, Russian Federation
sergey_shapiro@mail.ru

Andrey Aleksandrovich Motylkov

Applicant for the degree of Candidate of Economics
at the Department of Labor Economics and Demography,
field of training “Population Economics
and Labor Economics”,
Academy of Labor and Social Relations
Moscow, Russian Federation
webaroo77@gmail.com

Сергей Александрович Шапиро

доц. канд. экон. наук,
и. о. заведующего кафедрой экономики труда
и демографии,
Академия труда и социальных отношений
Москва, Российская Федерация
sergey_shapiro@mail.ru

Андрей Александрович Мотыльков

соискатель степени канд. экон. наук
при кафедре экономики труда и демографии,
направление подготовки «Экономика народонаселения
и экономика труда»,
Академия труда и социальных отношений
Москва, Российская Федерация
webaroo77@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ БЕДНОСТЬ В РОССИИ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Современная бедность в России сохраняет- ся как структурное ограничение воспроизводства населения, занятости и территориального развития, хотя официальный показатель нуждаемости в последние годы снижался. Исследование рассматривает бедность не как отклонение дохода от фиксированного порога, а как результат одновременного действия статистической методологии, параметров рынка труда, семейной нагрузки и региональных различий условий жизни. Цель работы состоит в выявлении связи между действующей моделью измерения бедности, меж- региональной дифференциацией ее уровня и распределением риска бедности между основными социальными группами населения. Методологическую основу составили сравни- тельный, аналитический и региональный подходы. Эмпи- рическую базу образовали данные Росстата, результаты российских исследований по абсолютной, относительной и многомерной бедности, а также публикации по адресной социальной поддержке, бедности занятых и положению семей с детьми. Анализ показал, что снижение официаль- но уровня бедности не устраняет устойчивые группы риска.

К ним относятся работающие бедные, семьи с детьми и жители регионов с длительной концентрацией нуждаемо- сти. Установлено, что доходный критерий в изолированном виде искажает реальную глубину бедности, а единые меры поддержки дают неодинаковый результат в террито- риях с разной структурой занятости, стоимостью жизни и доступом к услугам. Работа фиксирует еще один узел про- блемы. Домохозяйства с близким денежным доходом оказы- ваются в разном положении из-за числа иждивенцев, режи- ма занятости взрослых членов семьи и качества местной социальной инфраструктуры. В работе обоснована необ- ходимость соединения доходной поддержки, регулирования трудовых доходов, семейной политики и регионально диф- ференцированных механизмов преодоления бедности.

Ключевые слова: бедность, граница бедности, абсо- лютная бедность, относительная бедность, многомерная бедность, работающие бедные, семьи с детьми, регио- нальная дифференциация, адресная социальная поддержка, трудовые доходы, социальные трансферты, социальная политика

Для цитирования: Шапиро С. А., Мотыльков А. А. Современная бедность в России: методы оценки, региональ- ные различия и механизмы преодоления // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 138—146. DOI: 10.25683/ VOLBI.2026.75.1625.

Original article

CONTEMPORARY POVERTY IN RUSSIA: ASSESSMENT METHODS, REGIONAL DIFFERENCES AND ALLEVIATION MECHANISMS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Contemporary poverty in Russia persists as a structural constraint on population reproduction, employment, and territorial development, despite the official poverty indicator having declined in recent years. This study examines poverty not

as a deviation of income from a fixed threshold, but as the result of the combined effects of statistical methodology, labor market parameters, family burden, and regional differences in living conditions. The aim of the study is to identify the relationship

between the current poverty measurement model, interregional differentiation in poverty levels, and the distribution of poverty risk among key social groups. The methodological framework utilizes comparative, analytical, and regional approaches. The empirical base is comprised of Rosstat data, the results of Russian studies on absolute, relative, and multidimensional poverty, as well as publications on targeted social assistance, employed poverty, and the situation of families with children. The analysis revealed that a reduction in the official poverty level does not eliminate persistent risk groups. These include the working poor, families with children, and regions with a long-standing concentration of poverty. It has been established that the income criterion alone distorts the true depth of poverty,

and uniform support measures produce uneven results in areas with different employment structures, costs of living, and access to services. The study highlights another key element of the problem. Households with similar incomes find themselves in different situations due to the number of dependents, the employment status of adult family members, and the quality of local social infrastructure. The study substantiates the need to integrate income support, labor income regulation, family policy, and regionally differentiated poverty alleviation mechanisms.

Keywords: *poverty, poverty line, absolute poverty, relative poverty, multidimensional poverty, working poor, families with children, regional differentiation, targeted social support, labor income, social transfers, social policy*

For citation: Shapiro S. A., Motylkov A. A. Contemporary poverty in Russia: assessment methods, regional differences and alleviation mechanisms. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):138—146. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1625.

Введение

Актуальность. Современная бедность в России не сводится к доле населения с доходами ниже установленной границы. Внутри общего показателя сохраняются различия между регионами, домохозяйствами и социальными группами, а сам факт снижения среднероссийского уровня не снимает вопрос о механизмах воспроизводства нуждаемости. Для анализа этой проблемы недостаточно учитывать только общую динамику показателя. Необходимо рассматривать, как соотносятся методика измерения бедности, структура занятости, семейная нагрузка и различия в социально-экономических условиях субъектов Российской Федерации.

Отдельное значение имеет положение семей с детьми и работающих бедных. Основная часть статьи показывает, что наличие занятости не гарантирует выход из бедности, а одинаковый уровень дохода не означает одинакового уровня обеспеченности при разном составе домохозяйства, числе иждивенцев и объеме обязательных расходов. Это выводит проблему за рамки доходного минимума и требует анализа бедности как результата совокупного действия трудовых, демографических и институциональных факторов.

Изученность проблемы. Вопросы региональной динамики бедности раскрыты в работе Н. Ю. Коробковой [1], где показано, что общероссийская траектория снижения бедности сочетается с устойчивой неоднородностью регионов по масштабу и глубине нуждаемости. Этот подход важен для данной статьи, т. к. в основной части региональные различия рассматриваются не как фон, а как фактор, влияющий на распределение риска бедности между социальными группами.

Многомерная трактовка бедности и ограничения доходного критерия проанализированы Т. М. Малевой, Е. Е. Гришиной, Е. А. Цацурой [2], а также в коллективной монографии под редакцией Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина [3]. В этих исследованиях бедность описывается через совокупность ограничений, связанных с доходом, жилищными условиями, доступом к услугам и параметрами поддержки, что позволяет по-другому интерпретировать статистические показатели нуждаемости. Для логики настоящей статьи это важно, т. к. в разделе результатов показано, что один доходный индикатор не отражает различия в положении домохозяйств с разной семейной нагрузкой, структурой занятости и местом проживания, что показано А. В. Филипповой [4].

Проблематика адресной поддержки и социальной защиты рассмотрена в работах Л. Н. Овчаровой с соавторами [5], А. И. Пишняка, Е. А. Гориной, И. И. Корчагиной, С. А. Тер-Акопова [6]. Эти исследования используются в статье при анализе соответствия формальных критериев нуждаемости фактическому положению домохозяйств и при выявлении ограничений унифицированных механизмов помощи. Материалы о положении семей с детьми и эффекте мер поддержки на риск бедности позволяют связать доходный анализ с иждивенческой нагрузкой и занятостью родителей. В более широком контексте социально-экономических отношений отдельные механизмы смягчения уязвимости рассматриваются в коллективной монографии под редакцией Г. Ф. Бигловой [7].

Отдельное направление исследований касается бедности работающего населения и роли трудовых доходов. В работах Е. Е. Гришиной и П. О. Кузнецовой [8], Т. И. Гуляевой и Е. В. Такмаковой [9], Г. Л. Подвойского и А. В. Ларионова [10] показано, что воздействие мер, связанных с минимальной заработной платой и перераспределением денежных потоков в системе социального страхования, имеет предел при сохранении структуры занятости и правил распределения доходов. Этот вывод согласуется с тем, как в статье трактуется бедность занятых, где она описывается как результат разрыва между участием в труде и возможностью покрыть базовые расходы домохозяйства [6; 7].

Региональные особенности бедности и различия в концентрации уязвимых групп анализируются в работах А. А. Разумова и О. В. Селивановой [11], Б. М. Бизенгина, Е. М. Сарбашевой, Э. С. Бакуева [12]. Эти результаты используются в статье при интерпретации устойчивых зон повышенного риска и при объяснении различий в реакции регионов на единые меры поддержки. Вопросы структуры бедности и уязвимости семей с детьми, в т. ч. детей в разведенных семьях, рассматриваются В. И. Бариновой и А. А. Жигловой [13], Л. А. Кормишкиной и Л. П. Королёвой [14], Л. С. Ржаницыной и С. И. Рыбальченко [15]. Эти работы задают эмпирический фон для части статьи, где обсуждается устойчивость бедности среди семей с детьми и связь риска нуждаемости с семейным статусом и формой занятости взрослых членов домохозяйства.

Целесообразность разработки темы определяется тем, что при наличии значительного числа публикаций по отдельным аспектам бедности в отечественной литературе сохраняется недостаточная проработанность их взаимосвязи

в рамках единой исследовательской модели. Региональная бедность, бедность занятых, семейная бедность и адресная социальная поддержка чаще анализируются как самостоятельные направления, тогда как в реальной социально-экономической структуре они образуют пересекающиеся механизмы формирования риска нуждаемости. Именно поэтому исследование ориентировано не на повторное описание известных факторов, а на их совместное рассмотрение в логике единой причинно-аналитической схемы, связывающей способ статистического измерения бедности, структуру занятости, семейную нагрузку и территориальные различия условий жизни [15].

Именно здесь возникает исследовательский зазор. Если анализ ограничить только общим показателем бедности, из поля зрения выпадают группы, для которых риск нуждаемости сохраняется при формальном снижении агрегированного уровня. Это делает оправданной постановку исследования, соединяющего в одной рамке методы измерения бедности, региональные различия, бедность работающего населения, положение семей с детьми и инструменты преодоления нуждаемости [5; 9; 15].

Цель исследования состоит в выявлении связи между современными подходами к измерению бедности в России, ее региональной дифференциацией и распределением риска бедности между основными социально-демографическими группами населения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: рассмотреть подходы к измерению бедности и их ограничения; выявить региональные различия ее уровня и динамики; охарактеризовать бедность работающего населения и семей с детьми как ключевые группы риска; оценить возможности и ограничения адресной социальной поддержки; определить направления совершенствования антибедностной политики с учетом территориальных и демографических факторов.

Научная новизна исследования состоит не только в обобщении существующих подходов к анализу бедности, но и в их интеграции в единую аналитическую рамку применительно к современным российским условиям. В отличие от работ, в которых региональная бедность, бедность занятых, семейная бедность и адресная социальная поддержка рассматриваются преимущественно раздельно, в настоящем исследовании данные явления интерпретируются как взаимосвязанные механизмы воспроизводства нуждаемости. Авторский результат заключается в систематизации факторов бедности по трем взаимосвязанным блокам: статистико-измерительному, социально-демографическому и регионально-институциональному, — а также в обосновании вывода о том, что устойчивость бедности определяется не изолированным дефицитом дохода, а сочетанием ограничений рынка труда, семейной нагрузки и территориальной неоднородности условий жизни. Тем самым статья уточняет аналитические возможности комплексного подхода к оценке бедности в современной России.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии подхода к анализу бедности как многофакторного социально-экономического явления, проявляющегося через сочетание доходных, трудовых, демографических и территориальных параметров. Работа уточняет аналитическую рамку исследования современной бедности в России за счет соединения доходного, социально-демографического и регионального измерений.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при совершении мер социальной политики, направленных на поддержку трудовых доходов, снижение риска бедности семей с детьми и сокращение региональной концентрации нуждаемости. Полученные выводы могут быть использованы при уточнении критериев адресной социальной поддержки и разработке регионально дифференцированных механизмов антибедностной политики.

Основная часть

Методология исследования. В основе исследования лежит сочетание сравнительного, структурного и аналитического подходов к изучению бедности как многофакторного социально-экономического явления [1; 2; 5]. Такой подход позволяет рассматривать бедность как результат взаимодействия территориальных условий, структуры домохозяйств и действия институтов социальной поддержки [2; 3; 5].

Информационную основу исследования составили официальные статистические материалы о динамике бедности в России, данные о межрегиональной дифференциации ее уровня, а также результаты научных исследований, посвященных социально-экономическому положению семей с детьми, бедности занятых и адресной социальной поддержке. Использование этих материалов позволяет сопоставить общероссийские тенденции со спецификой отдельных групп населения и выявить устойчивые зоны риска [1; 4; 5].

В работе применяются методы сравнительного анализа научных подходов и статистических материалов, а также элементы структурного анализа при выделении категорий домохозяйств с повышенной вероятностью нуждаемости. Дополнительно используется содержательная интерпретация научных публикаций, посвященных бедности семей с детьми, адресности поддержки и факторам воспроизводства нуждаемости [4—6; 9].

Для повышения аналитической определенности в исследовании использован прием сопоставления статистических и теоретических данных по нескольким направлениям: по подходам к измерению бедности, по межрегиональной дифференциации ее уровня, по структуре групп риска и по ограничениям действующих механизмов социальной поддержки. При анализе региональных различий учитывались не только абсолютные значения показателя бедности, но и устойчивость его концентрации в отдельных типах регионов, различия в структуре занятости, демографической нагрузке и доступе населения к социальным услугам. При выделении работающих бедных и семей с детьми как ключевых групп риска использовался структурно-сопоставительный подход, позволяющий интерпретировать бедность через сочетание дохода, состава домохозяйства, режима занятости и институциональных условий получения поддержки.

Методологически исследование исходит из того, что бедность не сводится к недостатку текущего дохода и должна анализироваться через совокупность демографических, трудовых и институциональных параметров. В этой связи при интерпретации результатов учитываются состав домохозяйства, наличие детей, участие взрослых членов семьи в занятости и характер доступа к мерам социальной поддержки.

Логика исследования строится поэтапно: сначала рассматриваются подходы к измерению бедности и их ограничения, затем анализируются межрегиональные различия, после чего выделяются основные социальные группы повышенного риска и оцениваются направления совершенствования

антибедности политики. Такая последовательность позволяет соединить статистическое описание бедности с анализом механизмов ее воспроизводства и преодоления [1—3; 5].

Результаты исследования. Оценка бедности в современной России не может ограничиваться одним статистическим индикатором, поскольку сама граница бедности зависит от используемой методики и от того, какие именно лишения признаются социально значимыми. В научной литературе обычно выделяются абсолютный, относительный и многомерный подходы к измерению бедности, каждый из которых фиксирует разные стороны нуждаемости и, соответственно, формирует различную картину ее масштабов и структуры [3; 6].

Абсолютный подход исходит из сопоставления доходов домохозяйства с минимально необходимым уровнем потребления и долгое время оставался основой официальной российской статистики бедности. Его достоинство состоит в простоте расчетов и возможности прямого использования в системе социальных гарантий, однако он хуже отражает различия в фактических стандартах жизни и слабо учитывает изменяющийся характер социальных потребностей [3; 6].

Относительный подход связывает границу бедности с распределением доходов в обществе и тем самым позволяет учитывать не только биологический минимум, но и социально приемлемый уровень участия человека в экономической и общественной жизни. Именно эта логика усилилась в российской практике после перехода к расчету границы бедности на базе медианного дохода, что изменило саму интерпретацию официальной динамики показателя и усилило зависимость оценки бедности от общей структуры распределения доходов.

Вместе с тем ни абсолютный, ни относительный подход в отдельности не позволяют в полной мере описать реальные ограничения, с которыми сталкиваются нуждающиеся домохозяйства. По этой причине в исследованиях все более активно используется многомерное понимание бедности, при котором анализируются не только доходы, но и жилищные условия, доступ к образованию, медицинской помощи, занятости, качественным услугам и другим ресурсам воспроизводства человеческого потенциала.

Международные исследования подтверждают, что денежный критерий бедности не исчерпывает всей совокупности лишений, значимых для оценки социального неблагополучия. В частности, методология С. Алкире позволяет измерять многомерную бедность через сочетание нескольких деприваций и широко используется при построении много-

мерных индексов бедности в международной практике [16]. Одновременно в научной дискуссии подчеркивается, что многомерные индексы должны применяться с учетом контекста конкретной страны и не подменять собой весь набор инструментов мониторинга бедности. В более широком теоретическом плане идеи многомерной депривации развивались и в работах С. Алкире, где акцентировалась необходимость учета различий в составе семьи и в неоднородности жизненных ограничений при измерении бедности.

Для российской действительности особое значение имеет именно сочетание этих подходов, поскольку формально близкие доходные позиции могут сопровождаться резко различающимися условиями жизни в зависимости от состава семьи, региона проживания и возможностей получения поддержки [1; 5]. Это особенно заметно в семьях с детьми, где одинаковый денежный доход на домохозяйство не означает одинакового уровня обеспеченности из-за различий в иждивенческой нагрузке, занятости родителей и структуре обязательных расходов.

Корректный анализ бедности в России требует не выбора одного «единственно верного» метода, а сопоставления нескольких измерительных оптик. Абсолютный критерий позволяет определить минимальный порог нуждаемости, относительный — увидеть положение домохозяйства в системе общественного неравенства, а многомерный — выявить те формы исключения, которые не фиксируются одним только денежным показателем [3; 5; 6].

Именно поэтому в дальнейшем анализе бедность рассматривается как результат взаимодействия доходных ограничений, региональной дифференциации и социально-демографических факторов, а не как простое отклонение дохода от установленной линии.

Региональная картина бедности в России отличается устойчивой поляризацией. Общероссийская динамика снижения бедности не устраняет глубокий разрыв между территориями, а лишь меняет состав регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров.

Материалы по динамике бедности за 1995—2020 гг. показывают, что траектории регионов расходились под влиянием неодинаковой структуры экономики, различий в занятости, уровня урбанизации и бюджетной обеспеченности [1; 13; 14]. Одни субъекты заметно сократили долю бедного населения, другие сохранили хронически высокий уровень нуждаемости даже на фоне общероссийского улучшения показателей (см. табл.).

Типологизация регионов России по устойчивости бедности и структурным ограничениям

Тип регионов	Характеристика бедности	Структурные особенности	Политический вывод
Регионы с устойчиво низкой бедностью	Более низкий риск нуждаемости	Емкий рынок труда, урбанизация, диверсифицированная экономика	Адресная поддержка уязвимых групп
Регионы со средней бедностью	Высокая чувствительность к экономическим колебаниям	Смешанная структура занятости, неоднородность доходов	Комплекс мер в сфере занятости и социальной поддержки
Регионы с устойчиво высокой бедностью	Хроническая концентрация нуждаемости	Ограниченный рынок труда, высокая демографическая нагрузка, слабая диверсификация	Комплексные регионально-дифференцированные меры

Особенно важен тот факт, что высокий уровень бедности концентрируется не случайно, а воспроизводится в группах регионов со сходными ограничениями развития [1; 11; 12]. Речь идет о территориях со слабой диверсификацией хозяйства, ограниченным рынком труда, низкой производительностью занятости и более высокой демографической нагрузкой на домохозяйства.

Низкие показатели бедности, напротив, чаще характерны для регионов с более емким рынком труда, высокой долей экономически активного населения, крупными городскими центрами и большей концентрацией доходобразующих секторов [1; 11; 12]. В таких условиях даже при наличии уязвимых групп система доходов и занятости создает более высокий запас устойчивости домохозяйств.

Сопоставление региональных различий важно не только для описания статистической неоднородности. Оно показывает, что бедность в России нельзя рассматривать как равномерно распределенную социальную проблему: одни и те же федеральные меры дают разный результат в зависимости от структуры региональной экономики, стоимости жизни и возможностей доступа населения к стабильной занятости [1; 6].

Региональный разрез меняет и оценку эффективности антибедной политики. Унифицированные меры поддержки сглаживают наиболее острые формы нуждаемости, но не устраняют причины воспроизводства бедности там, где низкие доходы сочетаются с ограниченным предложением рабочих мест, слабой социальной инфраструктурой и высокой зависимостью семей от трансфертов.

Намного важнее то, в каких регионах сохраняется концентрация бедности, какие социальные группы формируют ее ядро и за счет каких механизмов региональные различия продолжают закрепляться.

Наличие занятости в России не гарантирует выхода из бедности. Часть домохозяйств сохраняет статус нуждающихся при формальном участии взрослых членов семьи в рынке труда, поскольку сам уровень оплаты труда, режим занятости и структура семейной нагрузки не обеспечивают необходимого дохода.

Проблема работающих бедных связана не только с низкой заработной платой как таковой. Существенную роль играют неполная занятость, нестабильные формы трудовых отношений, слабая производительность рабочих мест, межотраслевой разрыв в оплате труда и высокая концентрация низкодоходной занятости в отдельных территориях [1; 6].

В российской научной литературе этот тип бедности рассматривается как результат структурного несоответствия между трудовым вкладом и воспроизводством минимально приемлемого уровня жизни. Домохозяйство может иметь трудовой доход, но оставаться уязвимым из-за того, что заработок не покрывает расходы на детей, жилье, транспорт, лечение и иные обязательные потребности.

Особенно отчетливо эта проблема проявляется в семьях с детьми и в регионах с ограниченным рынком труда. Один и тот же факт занятости в разных социально-экономических условиях дает разный результат: в одних случаях он обеспечивает относительную устойчивость, в других — лишь удерживает домохозяйство на границе бедности [4; 5].

В связи с этим вопрос о минимальном размере оплаты труда центральное место [6; 7]. Повышение минимального размера оплаты труда способно сокращать наиболее жесткие формы низкооплачиваемой занятости, но его антибедный эффект ограничен, если рост минимальной оплаты не сопровождается расширением качественной занятости, снижением неформальности и более точной настройкой адресной поддержки [6; 7].

С прикладной точки зрения это означает, что политика снижения бедности работающего населения не может ограничиваться одной индексацией минимальных гарантий. Более результативным представляется сочетание мер по поддержке оплаты труда с развитием производительных рабочих мест, сокращением нестабильной занятости и усилением адресных механизмов поддержки семей, для которых даже формальная занятость не обеспечивает выход из состояния нуждаемости. Тем самым бедность занятых рассматривается не как краткосрочный доходный сбой,

а как следствие структурных диспропорций между рынком труда, семейной нагрузкой и системой социальных компенсаций.

Период пандемии *COVID-19* также показал, что даже временное усиление государственных выплат не устраняет сам механизм воспроизводства бедности среди занятых. Поддержка смягчает падение доходов, но не заменяет устойчивый трудовой доход, который должен быть достаточен для содержания семьи без постоянной зависимости от трансфертов.

Для анализа бедности работающего населения важен не только уровень заработной платы, но и соотношение между доходом и составом домохозяйства [1; 9]. Низкий индивидуальный заработок в семье без иждивенцев и тот же заработок в семье с детьми имеют разный социальный смысл, поэтому оценка работающей бедности требует учета эквивалентного дохода, числа иждивенцев и устойчивости занятости [1; 9].

Работающая бедность показывает пределы узкого подхода, при котором труд сам по себе считается универсальным средством преодоления нуждаемости. В российских условиях снижение бедности среди занятых требует не только социальных выплат, но и изменений в структуре оплаты труда, производительности рабочих мест и института регулирования доходов [2; 3].

Семьи с детьми входят в число групп с наиболее высоким риском бедности, поскольку нагрузка на бюджет домохозяйства растет быстрее, чем его доходные возможности, особенно при наличии двух и более детей. На положение таких семей влияют число иждивенцев, занятость родителей, тип поселения, доступ к социальной инфраструктуре и устойчивость трудового дохода [4; 13; 14].

Даже при наличии работы у взрослых членов семьи риск бедности сохраняется, если заработок распределяется на нескольких детей и не покрывает обязательные расходы на питание, жилье, образование, транспорт и лечение. Эта ситуация особенно характерна для домохозяйств с низкой интенсивностью занятости, для многодетных семей и для семей, где один из родителей ограничен в возможности полноценного участия в рынке труда [13; 14].

Отдельную группу риска образуют неполные семьи [15]. В таких домохозяйствах дефицит дохода сочетается с более высокой зависимостью от пособий и с меньшими возможностями компенсировать финансовые потери за счет второго трудового дохода.

Система детских пособий смягчает остроту нуждаемости, но ее эффект не является одинаковым для всех семей [9; 13]. Денежные выплаты снижают глубину бедности, однако не устраняют ее причины там, где сохраняются низкая заработная плата, нестабильная занятость, высокая стоимость содержания детей и территориальные различия в уровне цен и доступности услуг [13; 14].

Региональный фактор в бедности семей с детьми имеет принципиальное значение. При близких доходах семьи оказываются в неравном положении из-за различий в стоимости жизни, качества социальной инфраструктуры, доступности детских учреждений и возможностей трудоустройства родителей.

Проблема бедности семей с детьми показывает ограниченность оценки нуждаемости только по формальному доходному критерию. Для этой группы особенно важен учет состава домохозяйства, числа детей, возраста детей, объема обязательных расходов и фактического доступа к мерам поддержки [9; 14].

В российской антибедностиной политике семьи с детьми требуют не общего расширения выплат, а более точной настройки инструментов поддержки [9; 13; 14]. Результат зависит от того, сочетаются ли пособия с мерами по повышению занятости родителей, снижению издержек на воспитание детей и выравниванию региональных различий в доступе к базовым услугам.

Практически это предполагает переход от унифицированной модели помощи к более дифференцированному сочетанию денежных и инфраструктурных мер. Для семей с детьми значение имеют не только размеры трансфертов, но и доступность дошкольных учреждений, возможность совмещения занятости и ухода за детьми, транспортная связность, а также снижение обязательных расходов, которые формально не отражаются в уровне номинального дохода. В этом смысле поддержка семей с детьми должна рассматриваться как составная часть антибедностиной политики, а не как автономный сегмент демографической политики.

Адресная социальная поддержка занимает центральное место в российской антибедностиной политике, поскольку она позволяет концентрировать ресурсы на группах с наиболее высоким риском нуждаемости. При этом сама адресность не гарантирует высокой результативности, если критерии отбора слабо отражают реальное положение домохозяйства и не учитывают нестабильность доходов, семейную нагрузку и региональные различия в стоимости жизни [9; 11].

Одна из главных проблем связана с тем, что формально низкий доход не всегда совпадает с фактической глубиной бедности, а формально превышающий порог доход нередко скрывает тяжелую ситуацию семьи после обязательных расходов на детей, жилье, транспорт и лечение. Из-за этого часть нуждающихся домохозяйств не попадает в систему поддержки, а часть получателей может быть отобрана по слишком узкому набору признаков [9; 12].

Слабым местом адресности остается и административная сложность процедур. Чем больше в системе подтверждающих требований, межведомственных проверок и формальных фильтров, тем выше вероятность того, что поддержка становится менее доступной именно для тех групп, ради которых она создавалась [9; 15].

Отдельная проблема возникает в семьях с детьми. Здесь денежные выплаты часто снижают остроту дефицита, но не компенсируют различия в числе иждивенцев, в интенсивности занятости родителей и в территориальной доступности социальных услуг. По этой причине одинаковый размер пособия в разных семейных и региональных условиях дает неодинаковый результат.

Ограничения адресной поддержки особенно заметны там, где бедность имеет устойчивую трудовую природу. Если домохозяйство остается бедным из-за низкой оплаты труда, неполной занятости или слабого местного рынка труда, трансфертная помощь без изменений в сфере занятости и доходов работает как временный компенсатор, а не как инструмент выхода из бедности.

Не менее важна и региональная неоднородность. Единые федеральные правила назначения поддержки сталкиваются с разной стоимостью жизни, разным уровнем инфраструктурной обеспеченности и неравными возможностями получения стабильного заработка, из-за чего одинаковые меры в субъектах Федерации дают разную социальную отдачу [4; 8; 9].

Повышение эффективности адресной поддержки связано не с механическим расширением числа выплат, а с уточнением критериев нуждаемости, учетом состава домохозяйства, лучшей настройкой оценки доходов и увязкой социальных трансфертов с мерами поддержки занятости [2; 9; 10]. В этой логике адресность должна рассматриваться как часть более широкой системы предотвращения бедности, а не как изолированный механизм распределения пособий.

В прикладном плане это означает необходимость пересмотра самой процедуры определения нуждаемости. Более точная адресность предполагает учет не только формального денежного дохода, но и числа иждивенцев, нестабильности поступлений, обязательных расходов на жилье, лечение и транспорт, а также региональных различий стоимости жизни. В противном случае система поддержки сохраняет риск ошибочного исключения части реально нуждающихся домохозяйств и, следовательно, ограничивает собственную антибедностиную эффективность.

Снижение бедности в современной России требует перехода от узкой логики компенсационных выплат к сочетанию доходной поддержки, регулирования занятости и учета региональных различий (см. рис.). Устойчивый результат возникает не в момент разовой денежной помощи, а тогда, когда домохозяйство получает возможность опираться на стабильный трудовой доход, доступ к базовым услугам и предсказуемые правила социальной поддержки [2; 3].

Первое направление связано с ростом качества и доходности занятости. Борьба с бедностью среди занятых требует не только индексации минимальных гарантий, но и мер по сокращению низкооплачиваемого сегмента рынка труда, стимулированию создания производительных рабочих мест и снижению распространенности нестабильной занятости. В практическом отношении это предполагает увязку политики оплаты труда с региональными особенностями рынка труда и с задачами поддержки домохозяйств, в которых трудовой доход не обеспечивает выход из бедности.

Второе направление касается перенастройки адресной поддержки. Критерии нуждаемости должны точнее учитывать состав домохозяйства, число детей, нестабильность доходов, региональную стоимость жизни и обязательные расходы, которые не отражаются в формальном показателе денежного поступления. Это требует перехода от формального доходного фильтра к более содержательной оценке фактической обеспеченности семьи и глубины ее социально-экономических ограничений.

Третье направление связано с семьями с детьми как с одной из ключевых групп риска. Для этой категории результативны не только пособия, но и меры, уменьшающие повседневные издержки домохозяйства: доступность дошкольной инфраструктуры, повышение гибкости занятости родителей, снижение барьеров совмещения труда и ухода за детьми, а также более точная настройка выплат с учетом семейной нагрузки. Тем самым снижение бедности семей с детьми требует сочетания доходной поддержки, инфраструктурных решений и мер по расширению возможностей занятости родителей.

Четвертое направление касается региональной политики. Единый федеральный набор мер не устраняет различий между субъектами Федерации, где бедность поддерживается разной структурой занятости, неодинаковой бюджетной обеспеченностью, уровнем урбанизации и доступностью

социальной инфраструктуры. В этих условиях антибедностная политика должна включать регионально дифференцированные решения, учитывающие локальные ограничения рынка труда и специфику состава уязвимых групп населения.

Пятое направление связано с переходом от пассивного перераспределения к институциональным изменениям в системе доходов. В этой плоскости антибедностная поли-

тика должна опираться на согласование мер оплаты труда, налогово-бюджетных решений, адресных трансфертов и программ развития человеческого капитала, а не на изолированное расширение отдельных пособий. Такой подход позволяет рассматривать снижение бедности не как краткосрочную компенсацию дефицита дохода, а как результат более устойчивого изменения условий воспроизводства домохозяйств.

Рис. Взаимосвязь факторов воспроизводства бедности в современной России

Преодоление бедности в российских условиях требует соединения социальной, трудовой и региональной политики в единой системе [2; 11]. Без такой увязки официальное снижение показателя бедности может сопровождаться сохранением ее структурных причин, прежде всего низкой доходности труда, высокой семейной нагрузки и неодинаковых стартовых возможностей населения в разных регионах.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что бедность в современной России не сводится к уровню дохода ниже официальной границы, а формируется под воздействием взаимосвязанных факторов — действующей методики измерения, структуры занятости, семейной нагрузки и региональной дифференциации. Авторский вклад исследования состоит в том, что указанные факторы рассмотрены не как отдельные линии описания, а как единая система воспроизводства нуждаемости, определяющая распределение риска бедности между различными типами домохозяйств и территориями. Это позволяет уточнить аналитическую интерпретацию современного российского профиля бедности и обосновать необходимость комплексной, а не фрагментарной антибедностной политики.

Исследование подтверждает, что анализ бедности не должен ограничиваться формальным доходным критерием. Для более точной оценки необходим учет сово-

купности ограничений, с которыми сталкиваются домохозяйства в сфере занятости, потребления и доступа к базовым услугам.

Региональный разрез показывает, что бедность в России распределяется неравномерно и воспроизводится в территориях со слабым рынком труда, ограниченными возможностями занятости и менее благоприятной структурой доходов. В этих условиях универсальные меры поддержки оказываются недостаточными без учета территориальной специфики и состава уязвимых групп населения.

Особое значение в современной структуре бедности имеют работающие бедные и семьи с детьми. Для первой группы определяющими факторами выступают низкая доходность труда и нестабильность занятости, для второй — высокая иждивенческая нагрузка, зависимость от качества социальной поддержки и различия в доступе к услугам.

Адресная социальная поддержка остается важным элементом антибедностной политики, однако ее результативность ограничена, если критерии нуждаемости не отражают реальную глубину бедности и не учитывают региональные, трудовые и демографические различия. В связи с этим снижение бедности требует комплексного подхода, объединяющего социальные выплаты, поддержку трудовых доходов, семейную политику и регионально дифференцированные меры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коробкова Н. Ю. Траектории и аспекты долгосрочной динамики уровня бедности в регионах России // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1(46). С. 72—79.
2. Малева Т. М., Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Дело, 2019. 52 с.

3. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : ВЦИОМ, 2023. 462 с.
4. Филиппова А. В. Сравнительная оценка детских пособий в регионах России // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 1. С. 34—48.
5. Социальная защита в России: развилки будущего / Л. Н. Овчарова, О. В. Сиявская, С. С. Бирюкова и др. // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 5—31. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-5-31.
6. Пишняк А. И., Горина Е. А., Корчагина И. И., Тер-Акопов С. А. Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 70—93. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93.
7. Волонтерство в системе социально-экономических отношений : коллектив. моногр. / под ред. Г. Ф. Бигловой. Уфа : Аэтерна, 2018. 112 с.
8. Гришина Е. Е., Кузнецова П. О. Минимальная заработная плата как инструмент борьбы с бедностью: ожидаемые последствия реформы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 4(40). С. 137—156. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-6.
9. Гуляева Т. И., Такмакова Е. В. Прогнозные параметры среднедушевых денежных доходов, уровня бедности и дифференциации доходов населения России // Вестник аграрной науки. 2021. № 4(91). С. 107—116. DOI: 10.17238/issn2587-666X.2021.4.107.
10. Подвойский Г. Л., Ларионов А. В. Повышение эффективности распределения денежных потоков в рамках системы социального страхования // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 3. С. 64—74. DOI: 10.26794/220-6469-2020-14-3-64-74.
11. Разумов А. А., Селиванова О. В. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 75—88.
12. Бизенгин Б. М., Сарбашева Е. М., Баккуев Э. С. Региональные тенденции бедности в России в первом десятилетии нового столетия // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 7(129). С. 129—138. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-7-129-138.
13. Баринаева В. И., Жиглова А. А. Особенности социально-экономического феномена бедности в современной России // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 321—323.
14. Кормишкина Л. А., Королева Л. П. Влияние мер государственной поддержки улучшения жилищных условий на сокращение немонетарной бедности в России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 11—22. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-11-22.
15. Ржаницына Л. С., Рыбальченко С. И. Улучшение положения детей в разведенных семьях — путь к снижению бедности в России // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 1. С. 24—32. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.3.
16. Alkire S. Eradicating Poverty Effectively: Concise, Strategic Data to Tackle the Greatest Global Challenge : CDP Policy Brief No. 2. UN Committee for Development Policy, May 2025. 5 p. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/CDP-IB1-2025-2.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).

REFERENCES

1. Korobkova N. Yu. Trajectories and aspects of long-term dynamics of poverty in Russian regions. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & Labor research*. 2022;1(46):72—79. (In Russ.)
2. Maleva T. M., Grishina E. E., Tsatsura E. A. Social policy in the long term: multidimensional poverty and effective targeting. Moscow, Delo, 2019. 52 p. (In Russ.)
3. Human potential: modern interpretations and research results. L. N. Ovcharova, V. A. Anikin, P. S. Sorokin (eds.). Moscow, Russian Public Opinion Research Center publ., 2023. 462 p. (In Russ.)
4. Philippova A. V. Comparative Evaluation of Child Benefits in the Regions of Russia. *Voprosy Statistiki*. 2018;25(1):34—48. (In Russ.)
5. Ovcharova L. N., Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S. et al. Social protection in Russia: Choices of the future. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;8:5—31. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-5-31.
6. Pishnyak A. I., Gorina E. A., Korchagina I. I., Ter-Akopov S. A. Financial Well-Being of the Population in the Pandemic: The Impact of the Income Support Policy Response in Russia. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2021;16(6):70—93. (In Russ.) DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93.
7. Volunteering in the system of socio-economic relations. Collective monograph. G. F. Biglova (ed.). Ufa, Aeterna, 2018. 112 p. (In Russ.)
8. Grishina E. E., Kuznetsova P. O. Minimum wage as a tool to reduce poverty: expected consequences of the reform. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the new economic association*. 2018;4(40):137—156. (In Russ.) DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-6.
9. Gulyaeva T. I., Takmakova E. V. Forecast parameters of average monetary income, level of poverty and income differentiation of the population in Russia. *Vestnik agrarnoi nauki = Bulletin of agrarian science*. 2021;4(91):107—116. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2587-666X.2021.4.107.
10. Podvoysky G. L., Larionov A. V. Improving the Efficiency of Cash Flow Distribution Within the Social Insurance System. *Mir novoi ekonomiki = The world of new economy*. 2020;14(3):64—74. (In Russ.) DOI: 10.26794/220-6469-2020-14-3-64-74.
11. Razumov A. A., Selivanova O. V. Poverty in Russia: regional features and prospects for poverty reduction instruments. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & Labor research*. 2021;4(45):75—88. (In Russ.)

12. Bizengin B. M., Sarbasheva E. M., Bakkuev E. S. Regional trends of poverty in Russia in the first decade of the new century. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional problems of transforming the economy*. 2021;7(129):129—138. (In Russ.) DOI: 10.26726/1812-7096-2021-7-129-138.

13. Barinova V. I., Zhiglova A. A. Peculiarities of social and economic phenomenon of poverty in modern Russia. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta*. 2020;1:321—323. (In Russ.)

14. Kormishkina L. A., Koroleva L. P. Government support for improving living facilities and its impact on reducing non-monetary poverty. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment» = Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*. 2020;2:11—22. (In Russ.) DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-11-22.

15. Rzhantsyna L. S., Rybalchenko S. I. Improving the situation of children in divorced families - the way to reduce poverty in Russia. *Narodonaselenie = Population*. 2021;24(1):24—32. (In Russ.) DOI: 10.19181/population.2021.24.1.3.

16. Alkire S. Eradicating Poverty Effectively: Concise, Strategic Data to Tackle the Greatest Global Challenge. CDP Policy Brief No. 2. UN Committee for Development Policy publ., May 2025. 5 p. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/CDP-IB1-2025-2.pdf> (accessed: 30.03.2026).

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 04.05.2026.